

ДИРЕКТОР ТЕАТРА

Неделя: 1994 - 24 сентября - 59

«Мы еще полны азарта, у нас больше права на риск», — говорит художественный руководитель петербургского Театра сатиры Валерий Словохотов

Леонид Попов

Рефлексия

- У ВАС, как во многих театрах Петербурга, нет главного режиссера и нет, соответственно, единой художественной программы. Театр обречен на разногласия...

— Согласен. Но это и есть наш стиль. На миз, как на художественного руководителя, лежит обязанность приглашать постановщиков.

— Но думать при этом и о зрительских интересах?

— Естественно. И у нас, как во всякой труппе, неизбежны обиды. Это же театр, все со своими амбициями... Но нашу атмосферу, я считаю, определяет то, что у нас контрактная система. Это наш договор — людей, собравшихся делать новое дело. В этом наше преимущество. Кроме того, поскольку я не режиссер, то у меня совершенно нет творческих амбиций по отношению к приглашаемым людям. Я при всем желании не смогу начать им что-то указывать на репетициях, влезать в их работу — от этой конфликтной ситуации мы изначально избегаем.

— Ну уж!

— Точно так говорю. Психологическая профессия. И еще о, а детали: у нас молодой театр. Поэтому мне несравненно легче, чем Георгию Александровичу Саенко и Александру Клименко или Виктору Никитову в Театре Комиссаржевской.

— И как же вы отбираете тех, кого планируете пригласить на постановку?

— Критерий очень простой. Я зову не тех, за счет которых хотел бы питаться. А тех, чьи идеи, наоборот, способны питать наш театр. Так было с Владимиром Тумановым, который поставил «Тот этот свет» Алексея Казанцева и «Таню-Таню» Ольги Мухомовой, так был с Габриэлем, с Виктором... Так было с Климом (Владимир Клименко — Л. П.), который в прошлом сезоне начал у нас работать над «Версальским экспромтом». Мольера — этот проект остался незавершенным, но Клим мы обязали тем, что с ним пришел молодой режиссер Алексей Янковский, который в новом сезоне выпустит у нас спектакль.

Теперь, два спектакля...

— Как это: спектакль или два?

— Это будут два самостоятельных спектакля, объединенные общим замыслом, общими решениями, единой сценографией. Их можно рассматривать и как диалог. Янковский при участии Клима сделал композицию на основе драматургии южноафриканского драматурга Атола Фугара, который у нас пока известен мало. Первая часть — по пьесе «Здесь живут люди», вторая — по пьесе «Джонни и Хес».

Главного режиссера у нас нет, но складывается режиссерская команда: Ахнат Байрамкулов, один из лучших воспитанников Корогодского. — Он поставил «Васю Железнову» и просто вернул сцене такую грандиозную актрису, как Антонина Шуранова (далее он с ней будет делать «Привидения» Ибсена), затем Алексей Янковский и Игорь Ларин. Да, об этих режиссерах говорят, я уверен. Мы собрали актерскую команду, к нам потянулись люди, проработавшие в своих театрах много лет, и не то чтобы у них не складывались актерские судьбы, напротив. Только Александр Чабан и Виктор Шубин пришли, что называется, с улицы, когда ВОТМ развалился. Наши артисты — это были звезды в тех театрах, откуда они уходили: Кулоски в Челябинске, Лысов в Омске, Особкин и Радченко в «Комиссаржевке», та же Шуранова.

— Мы взяли замечательных ребят из Воронежского театрального училища. Вот это все моя гордость как продюсера, как антрепренера.

— Что же вам должно восемь лет назад, когда, имея лишь актерское образование, вы взяли на себя административные функции?

— Комплекс провинциала, приехавшего покорить Питер. И еще этот давящий промозглый климат, который хотелось преодолеть. Не столько азарт, сколько ощущение безысходности.

— Вы определяете репертуар театра, предлагая режиссерам для постановки то или иное название?

— Никогда! Предлагать должен только сам режиссер. Единственный раз был, когда я предложил Ларину пьесу Андрея Максимова «Больные люди с добрыми глазами».

— Каким имен или названий вам в сфере театра сейчас не хватает?

— Огромного количества. Я бы с удовольствием предложил режиссерам список из двадцати имен. Я хочу, чтобы на фирме был Пушкин. Чехов. Гоголь — конкретно «Ревизор». Бродский. Песня о Ленине (мы с Лариным будем думать над этим). Чтобы специально для нашей труппы были написаны пьесы. Чтобы у нас проводились ночные капустные вечера. Но Иосиф и Горький тоже не против моей воли появились.

— В минувшем сезоне ваш театр принял участие во Всероссийском театральном фестивале «Золотая маска» сразу двумя работами: «Таня-Таня» — в конкурсе драматических спектаклей, «Песня о Волге» — в кукольном. И именно «Песня о Волге» победила в двух номинациях — «за лучший спектакль» и «за лучшую актерскую работу». А вслед за этим «Песня о Волге» была сыграна на Ачинском фестивале и на фестивале в Тампере...

— Я понимаю, это может вызвать удивление, зависть, исключительность как это так, театру всего

Художественный руководитель петербургского Театра сатиры — не главный режиссер, а директор, что в Питере не редкость. Но Словохотов от его коллег отличается каким-то незыблемым и собственным художественным руководством: спектакли, созданные совершенно разными постановщиками, не выстраиваются в единую художественную линию. Рядом с именитыми «Золотой маской» — незыблемые подделки; на Малой сцене — крайне серьезная «Вася Железнов», на Большой — легкомысленные подделки... И если Александринка и «Комиссаржевка», БДТ и Театр на Литейном стремятся восстановить статус главного режиссера, который бы определял творческую задачу коллектива, то Театр сатиры, бесславно расставшись несколько лет назад с Анатолием Морозовым, кажется, зарекается вернуть свою судьбу художественному лидеру...

8 лет, и это в то время, когда в Питере есть БДТ, Александринка, Додин и так далее... В какой-то мере наша победа — именно результат того, что театр так молод. Мы еще полны азарта, у нас больше права на риск. Чем у той же Александринки, где Георгий Александрович Саенко, перед которым я преклоняюсь, выполняет тяжелейшую задачу сохранения театральной наследия великой сцены. А наша задача совсем другая. Наш театр молод еще и в ином смысле — средний актерский возраст в труппе у нас что-то около 15 с небольшим лет.

А в связи с «Золотой маской», которая за «Песню о Волге» действительно была присуждена нашему театру, я хотел бы вот прямо через прессу спросить: а где она, наша «Золотая маска»?

— Где это — где?

Это ведь награда за спектакль, то есть она присуждена театру, а не режиссеру, а в номинации «режиссура кукольного спектакля» лауреатом стал не Габриэль, а москвич Илья Эпельбаум из театра «Тень». Но Резо Габриэль вышел на сцену за наградой, ему вручили «Золотую маску» за «Песню о Волге». И больше мы ее не видели.

— А вы задавали этот вопрос Габриэлю?

— Задал бы, если бы он с той поры не избегал и театра, и своего спектакля.

— Я Авинон ведь были приглашены оба ваши спектакли, принимая участие в «Золотой маске» — и «Песня о Волге», и «Таня-Таня», но дошел до Франции в итоге только один.

— Конечно, нам хотелось вывести обе работы. Но известно, что закулисные театральные игры не менее серьезные, чем политические. В конечном итоге все решается в Москве. Ну и, естественно, деньги выделяли прежде всего на спектакли из Москвы. Репетиция спектакля в Питере, мы же понимаем...

Послаха только «Песню о Волге». И та как только не называлась — и «московским спектаклем», и «грузинским спектаклем». Но успех у нас был такой, что мы — единственные представители из России — дали дополнительно к пяти объявленным в программе еще два представления. Ну, конечно, и «театроведческое сопровождение» было исключительно московское — ни одного критика из Питера я там не видел. Согласен, что прежде всего питерские газеты должны были бы печатать корреспонденции из Авинона, где показывается петербургский спектакль. То, что выйдет потом, все эти анализы, обзоры журнальные, через месяцы — это уже никому, кроме вас самих, критиков, не нужно. Извините, конечно.

— На Авиноновском фестивале, где нет конкурса и нет никаких призов, для театров тем не менее

решается главное: его дальнейшая судьба. Либо слава, аргументы на другие фестивали, на гастроли — либо неуспех и невнимание. Вам поступила какая-то информация?

— Последствия Авиноновского фестиваля для спектакля несколько иные. Все, что связано, с Габриэлем, чреват скандалом. После Авинона из спектакля ушли трое актеров из пяти. Ушли Габриэль. Имелось право. Теперь надо вводить новых актеров.

— Кто же будет их вводить? Габриэлю?

— А кто же! Если ему, конечно, спектакль важнее амбиций... Но если он откажется, то придется без него. Потому что предложения действительно идут со всего света — из Германии, Франции, Канады... А мне очень хочется показать «Песню о Волге» в Волгограде. Но это я хочу, а отсюда-то никаких предложений. В Новосибирск зовут, в Красноярск. В Белоруссию невольно позвали. На что я им совершенно серьезно ответил, что никаких разговоров о поездке к ним не будет, пока их страна не сможет обеспечить безопасность и нормальные условия работы для журналистов. Для российских граждан.

Мы побывали в августе на фестивале в Тампере, с которого началось наше тесное сотрудничество с актером и режиссером Игорем Лариным (он там показывает «Евгения Онегина» и «Чайку» и был просто с триумфом принят зрителями и прессой). Ларин у нас сейчас ставит балет «Петрушка» на музыку Шнитке и драматический спектакль по пьесе Андрея Максимова, московского драматурга.

— Может быть, вы сможете на Малой сцене пригласить бездомные моноспектакли Ларина, ведь у его театра «Молиериз» никогда не было собственного помещения. А на Малой сцене, как я понимаю, вы намерены активно наращивать репертуар, а не только собственными силами, но и за счет приглашенных работ. Даже далеко не новую работу Мира Борисоглазова и Людмилы Мартыновой по «Гамлету» привозили...

— С удовольствием дам Ларину площадку. Ведь по сметному доходу приезжал в Финляндию, там зритель Ларина знает. А у нас кто его знает? Только театроведы. Написано-то вами о нем много, но разве это соответствует действительности? Извините, конечно.

Пусть талантливые работы получают крышу. Во всех смыслах. Но я совершенно не вижу у нас в Питере молодых талантов. Может, они едут по России, ставят, я не знаю, в Новосибирске, Иркутске... Мне раньше казалось: молодые режиссеры должны обивать пороги театров, добиваясь постановки. Где они? Театр сатиры открыт для любых предложений, любых стилистических новаций — у нас ведь, как по справедливости заметили, нет единой обязательной для всех художественной программы. Я буду рад видеть питерских режиссеров с их идеями. Так и напишите: Словохотов их ждет!

Ведь теперь режиссера совершенно не привлекает работа в должности руководителя: зачем ему заниматься производственными, финансовыми, административными делами, рендой, свистелкой — ему хочется творить! Главных режиссеров все меньше — здесь не я исключение, а исключением, наоборот, выглядит Владислав Пазин, взявший на себя в Театре Ленсовета при режиссерских обязанностях еще и директорскую ношу. Ну и где освободиться от этих забот режиссеры? Где молодые выпускники?

— Вы много молодых режиссеров ждете, состоявшихся с опытом вас уже не интересуют?

— Зачем? Чтобы гордо заявить: вот какие прославленные мастера у нас ставят? А перспектива?

— Какая же может быть перспектива, если вы не хотите связывать судьбу театра с одним режиссером-лидером, который и определяет прессовую художественную программу?

— Ну да... Появился главный режиссер, и его будет уже не сдвинуть. Мы себя приговорим к чему-то одному. А так у нас и кукольные спектакли, и балет, и мюзиклы. Это все вместе и есть Театр сатиры. А то мы ведь ничем не отличались от плохого периферийного театра. Нас в таком качестве и принимали. Театр сатиры долго не ругали (может, жалели по молодости), и я нервничал, потому что выглядело так, что попросту не замечают. Наконец стали поругивать. Значит, все в порядке.

Санкт-Петербург